

ГЛАВА I

СРЕДИ ВСЕХ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИНЬ — САМЫЙ ИЗЫСКАННЫЙ

«Если реставратор хочет достичь успеха в своем деле, ему следует развивать умение концентрироваться на задаче, эрудицию и ответственность, а также любить историю, постоянно учиться и совершенствоваться. А еще быть усидчивым и терпеливым — не каждый предмет готов покориться сразу даже зоркому глазу и умелым рукам, с некоторыми придется договариваться, если не приручать, как дикого зверя». Так говорил один из преподавателей Си Цзисина, почтенный профессор и признанный специалист, и Цзисин был с ним согласен, по крайней мере сегодня.

С гуцинем, который достался ему в этот раз, договориться не удавалось долго. Инструмент попал к молодому реставратору из частной коллекции и требовал особого внимания и ухода: отсутствовал хучжэнь* — очевидно, отвалился со временем; оба «пруда», и «фениксов», и «драконов»**, были забиты свалявшейся пылью и трухой, старинные шелковые струны — порваны или изношены. Повреждения казались серьезными, но на деле были весьма незначительными для гуциня,

* Хучжэнь — щиток для защиты колков в нижней части гуциня, крепится к нижней деке. *Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.*

** «Пруд фениксов» — малое резонансное отверстие на нижней деке гуциня. «Пруд драконов» — большое резонансное отверстие там же.

изготовленного примерно в 500 году после С. г.* Скорее всего, он просто лежал в хранилище, защищенный от вандализма и погодных условий, но не от времени, — и время оставило след.

А прежде... прежде его явно любили, на нем явно играли. Ведь как можно не любить настолько прекрасный инструмент и не давать ему звучать?

Уцелевшие струны Цзисин снял еще пару дней назад, тогда же протер поверхность специальным средством, чтобы убрать грязь и пыль, тщательно вычистил щеткой оба «пруда» и оставил подсыхать. Сегодня можно было уже приступить к удалению старого слоя лака. Если бы Цзисин выполнял заказ для музея, он не снимал бы прежнее покрытие, а пытался восстановить его, удаляя лишь очевидные сколы и заполняя глубокие трещины воском, на который потом лег бы новый слой лака. Однако нынешний владелец циня дал четкие указания: восстановить изделие до той степени, чтобы его вновь можно было использовать. Значит, он должен не только вернуть гуциню голос, но и помочь сбросить сотни прожитых лет.

Вооружившись наждачкой, Цзисин принялся за ошкуривание корпуса.

— Знаю, господин цинь, непросто будет запеть после стольких веков, но будьте уверены — этот скромный мастер сделает все от него зависящее, — сказал он и хмыкнул невольно. Будь здесь старшая сестра, непременно буркнула бы что-то вроде: «Опять со своими деревяшками беседуешь! Ты что, древний отшельник? Вышел бы на улицу, встретился с друзьями, воздухом подышал! Только и знаешь, что работать да в юйван**

* То есть после Сошествия гор. Сошествием гор историки государства Жэньго называют масштабную природную катастрофу, случившуюся около тысячи шестисот лет назад, в результате которой сильно пострадали горные владения заклинательских кланов Цинь Сяньян и Чу Юн.

** Юйван (досл. «нефритовая сеть») — единое виртуальное пространство, используемое жителями Жэньго для работы, учебы, поиска информации и общения.

сидеть!» Впрочем, Линлань никогда не злилась на брата все-рез: ее жизнь тоже была неразрывно связана с древностями. Она изучала историю Жэньго, писала статьи для научных порталов, ездила в музеи и на раскопки, но прежде всего ее интересовали люди, с которыми можно было поговорить. Предметы истории и искусства оставались для нее вторичными.

Цзисин же любил работать именно с ними. Люди могли обмануть, замолчать важные сведения, просто отказать общаться, но вещи — никогда, если найти к ним подход. Особенно музыкальные инструменты, созданные для музыки и пения. Петь проще, чем говорить, пением можно рассказать обо всем, что нужно. Это не было фантазией Цзисина, что бы ни думала по этому поводу Линлань, — многие исследователи считали, что петь древние люди научились гораздо раньше, чем освоили устную речь, и считали явно недаром.

Закончив с первым ошкуриванием, Цзисин взял другую наждачку, менее грубую, для удаления остатков лака. Руки работали, а мысли уносились далеко, в школьные времена, когда их с классом возили на экскурсию во Дворец Дракона, восстановленную древнюю резиденцию заклинательского клана Хань Ин — увы, ныне несуществующего. Этот некогда влиятельный клан занимал значительные земли в центре Жэньго, пользовался милостью и расположением династии Чэнь, четвертый император которой, Чэнь Шэньсинь, был в большой дружбе с Хань Дацзюэ, тогдашним главой клана. Время правления династии Чэнь, как и правление династии Цинь, урожденных заклинателей, клан благополучно пережил, оставаясь в тени. Выжил он и в период раздробленности и междоусобных конфликтов; потом брошенную власть подобрал Хань Дасинь и стал новым императором. Говорили, он полностью унаследовал величие и красоту своих предков; говорили, его благословил сам Лазурный Дракон, божественный покровитель клана; много чего говорили. Кто теперь разберет, сколько правды в тех словах? Точно известно только, что через двести пятьдесят лет увяла и династия Хань, начало которой дал этот

стойкий сердцем* заклинатель. Однако заложенный им город Синьду** оставался столицей и по сей день, пульсируя жизнью на перекрестке водных, наземных и воздушных путей, заменив собой древний Ин, столицу клановых земель и династии Цинь. А вот Дворец Дракона не пережил столетий и был восстановлен лишь в нынешнем веке силами оставшихся заклинателей. Да и то не полностью: Цзисин видел в центральном павильоне макет прежней резиденции, видел и планы-чертежи на дорогой бумаге с шелковой нитью, выложенные под стеклом витрин. Когда-то вдоль реки вилась цепь зданий, сверху и впрямь походивших на вытянувшегося на берегу дракона. Теперь от туловища остались лишь голова, шея и правая лапа; также были восстановлены главные ворота цвета киновари, внутренние резные ворота, изображавшие сцены из истории клана, и главный двор. Бывшее жилище главы отдали под музей, где собрали уцелевшие личные вещи, предметы быта и рукописи.

«Помимо Хань Дасиня, первого императора династии Хань, история сохранила имя его славного предка Хань Дацзюэ, — рассказывал экскурсовод. — Он был известен не только как редкой красоты мужчина, но и как мудрый и рачительный глава, сумевший восстановить клан после так называемой битвы с чудовищной огненной птицей. Маловероятно, что речь идет о настоящем чудовище. Скорее всего, так метафорически древние хронисты называли некоего внешнего врага, угрожавшего землям Жэньго, против которого объединились все семь заклинательских кланов. Для старинных хроник характерны подобные преувеличения и художественные образы. Наверняка имелись в виду кочевники сюнну***, склонные сжигать все на своем пути. Их вторжение могло совпасть по времени с природными

* Отсылка к имени Хань Дасиня, которое означает «стойкий сердцем».

** Древнее название современного города Чэнду в Китае.

*** Сюнну — древний кочевой народ, на рубеже тысячелетий населявший земли к северу от Китая. Для защиты от них было начато строительство Великой Китайской стены.

катаклизмами наподобие землетрясения. По данным геологов, местность на границе земель Сяньян и Юн, нынешних провинций Сяньчу и Юнмин, часто от них страдала: первым масштабным землетрясением стало легендарное Сошествие гор, а менее чем через сто лет случилась и “битва с чудовищем”. Как бы то ни было, Хань Дацзюэ смог вывести клан из упадка, оставив по себе не только добрую память в народе, но и сборник сочиненных им мелодий. Составлен сборник был еще при жизни главы, но окончательное оформление получил уже в период династии Хань вместе с названием “Ханьские мелодии”, под которым известен и по сей день. Невероятно, но сохранился и гуцинь Хань Дацзюэ, Синь Шэн-чу*, — его вы можете увидеть в главном зале...»

Во время речи экскурсовода Цзисин обратил внимание на хранителя музея, старого заклинателя в цветах клана У Миньюэ — нефритово-зеленом и коричневом. Именно этот клан, процветающий и поныне, многое сделал для сохранения памяти о прошлом, немало средств и сил вложил в реставрацию Дворца Дракона — и, очевидно, знал какую-то другую правду, не ту, что рассказывали на экскурсии, судя по тому, как укоризненно качал головой старик на словах о вымышленном чудовище. Однако потом Цзисин позабыл и о сомнениях, и о старике-хранителе, едва увидел тот самый гуцинь.

Он стоял на возвышении в застекленной витрине и почти светился в лучах солнца, проникавших сквозь искусную систему окон в потолок. Мягко поблескивало светлое лакированное дерево, и трещины, разбежавшиеся по лаку за минувшие столетия, напоминали то ли разломы во льду замерзшего озера, то ли силуэты облаков на рассветном небе. Под корпусом был бережно расстелен белоснежный чехол, и собранные из серебристых нитей кисти походили на драгоценности, затерявшиеся на дне реки. Рекой, длинной и светлой, был сам

* В переводе с китайского «глубина сердца», «в глубине сердца», «глубоко в сердце».

гуцинь — несомненно, той самой Дацзиньхэ, на берегах которой стоял Дворец Дракона и у которой наверняка сочинял свои мелодии легендарный глава. Рекой, текущей в этот самый миг сквозь сердце замершего в восхищении Цзисина. «Неужели когда-то мир и правда был полон чудес? Неужели и правда бессмертные заклинатели парили в облаках и повелевали стихиями? — подумал Цзисин, еще мальчишка, и следующей мыслью было: — Как жаль, что мир уже не тот...»

В конце экскурсии им поставили запись мелодии из сборника Хань Дацзюэ под названием «Одна радость». И когда музыка рассыпалась серебром, вобрала в себя и шум реки за окнами резиденции, и шелест ветра в прибрежных ивах, зазвучала голосом памяти и надежды, Цзисин уже знал, чему хочет посвятить жизнь. Тому, чтобы эта прекрасная мелодия не умолкала.

Родители к его желанию стать реставратором отнеслись довольно спокойно. Мать, конечно, вздохнула: «Почитание прошлого и предков, безусловно, важно, но я надеялась, что ты выберешь что-то более современное». Отец же сказал: «Есть два вида совершенных людей: те, кто умер, и те, кто еще не родился. Удел всех остальных — искать свой путь, ошибаться и надеяться на правильный выбор. Чего мы могли ожидать, называя сына подобным образом?» Честь семьи ты сохранишь, репутацию в таком деле заработаешь. Иди!»

С честью семьи все было в порядке и без участия Цзисина. Увлечшись прошлым, он проследил историю Си едва ли не до Сошествия гор; пришлось, конечно, покопаться в архивах и побеседовать с родственниками разной степени дальности. Поиски в юйван тоже дали результаты — хотя отделить реальность от вымысла в найденном оказалось решительно невозможно.

* Имя «Цзисин» переводится как «память». Список всех персонажей с именами и их значениями можно посмотреть в примечаниях в конце книги.

И тем не менее он смог выяснить следующее.

Род Си восходил к трем (по некоторым источникам, четырем) братьям. Достоверно было известно о двоих: Си Сяньцзань, владелец лавки тканей, прославился как успешный предприниматель и отважный путешественник, торговавший со странами на далеком Западе и лично возивший товары по Великому пути чудес; Си Иши, чиновник первого ранга, считался родоначальником археологии, много сделавшим для восстановления отношений простых людей и заклинателей и сохранившим для потомков значительную часть наследия прежних времен — его находки до сих пор выставлялись в музеях в законсервированном Сяньяне, древней столице клана Цинь, и в Синьду, а разработанные им законы по-прежнему служили основой современного права.

Касательно третьего и четвертого братьев информации почти не нашлось. В «Записках о деяниях Ин-ди, четвертого императора, и его прославленных приближенных, составленных чжунсань гунчжу* Лю Сюли», одном из немногих сохранившихся полных и доступных источников о той эпохе, вскользь упоминался Си Ючжэнь, монах-даос, «чья судьба была подобна яшмовой росе на золотых листьях»**. Судя по сожалениям автора «Записок», долго Си Ючжэнь не прожил, однако прямую о его смерти не говорилось.

Конкретных сведений о четвертом брате Цзисин также не нашел, но в тех же «Записках» семья Си называлась «несчастливой, сполна рассчитавшейся со смертью за зловещее число»,

* Чжунсань гунчжу — авторский неологизм для титула, комбинация из «чжунсань» («чиновник V класса») и «гунчжу» («принцесса, княжна, дочь владетельной особы»). Таким образом, автор «Записок» Лю Сюли — женщина, облеченная государственной властью и занимающая важный пост.

** Перефразированное крылатое выражение — чэньюй «золотой ветер и яшмовая роса». Так говорят о чем-то прекрасном, но скоротечном. «Золотым ветром» в китайской традиции называют листопад.

а значило это, скорее всего, одно: созвучие фамилии со значением «четыре» и слова «смерть». Соответственно, братьев могло быть четверо. Слабый след обнаружился в поэтическом сборнике той эпохи авторства некоего Сунь Хэпина: целое стихотворение посвящалось судьбе четырех братьев, в двух из которых явственно узнавались Си Сяньцзань и Си Иши, третий описывался как «сменивший тишину и уединение монастыря Владык на грот бессмертия», а четвертый — как «гордый сын равнин и гор, чей духовный меч навеки остался в Небесных садах». Единственное, что понял Цзисин: четвертый брат, очевидно, был заклинателем, но его существование ставилось под сомнение еще более, чем третьего брата Си Ючжэня, монаха из «монастыря Владык». По крупицам собирая сведения, Цзисин пришел к выводу, что в стихотворении упоминался монастырь Тяньбаожэнь, посвященный Небесным покровителям, некогда располагавшийся в землях клана Хань Ин. Народные сказки эпохи династии Цинь рассказывали еще о некоем Белом монахе, прекрасном и праведном, спящем зачарованным сном в потаенном гроте в горной долине, где растут персики, дарующие бессмертие. Исследователи фольклора полагали историю о Белом монахе вариацией легенды о Персиковой долине, чудесном месте вдали от войн и несчастий, но Цзисин был почти уверен, что этот монах — личность вполне реальная, и считал Си Ючжэня наиболее вероятным кандидатом на эту роль.

Словом, предки — известные или предполагаемые — прославились где только могли. Про Си Иши до сих пор писали книги и снимали кино, приписывая неподкупному чиновнику и блестящему археологу все новые приключения; в честь Си Сяньцзаня называли улицу в Чаньяне, городе, где когда-то начинался Великий путь чудес, и поставили памятник в родном Хофэе; а у Белого монаха как-то в период междоусобицы даже объявились последователи, звавшие себя детьми Бессмертия и поклонявшиеся ему как богу. Прочие родственники за минувшие века отметились разве что на государственной службе,

большей частью тихо и незаметно трудясь на благо родины. И вот теперь подошла очередь Цзисина.

Вынырнув из мыслей, он легко улыбнулся инструменту в своих руках:

— Как видите, господин цинь, история моей семьи весьма занята. Один предок открыл Великий путь чудес, другой оказался прославленным в веках чиновником, третий — и вовсе Белым монахом. Четвертый, похоже, был заклинателем... А я инструменты реставрирую. Дело ничуть не хуже, верите ли.

Отложив наждачную бумагу и смахнув деревянную пыль с корпуса, он взял широкую мягкую кисть и стал наносить смывку поперечными движениями: после ошкуривания требовалось окончательно удалить старый лак. Дело пошло быстро, и вскоре Цзисин уже подхватил миску с водой, другую кисть и мягкую салфетку, бережно промыл корпус гуциня от остатков покрытия и поставил инструмент на просушку. На лишенной лака мокрой поверхности четче проступили древесные узоры — как письма на тайном послании, которое намочили и подержали над огнем. Интригующе и красиво, словно жаждущий быть раскрытым секрет.

— Вы понравились бы Ху-гэ*, господин цинь, и он бы понравился вам...

Сказал — и запнулся, точно врезавшись на середине движения в прозрачную стену из самого крепкого стекла. Сколько раз за прошедшие месяцы он ловил себя на мысли, на слове, на ощущении: это надо показать Ху-гэ, об этом рассказать, это обсудить... А потом вспоминал вдруг, что того больше нет. Быть может, все дело в том, что Цзисин не видел его мертвым? Кто пустил бы его на похороны... Он лишь слышал пронзительную песню гуциня, видел искаженное агонией, укрытое тенью

* Гэ — близкое, неформальное обращение младшего брата к старшему брату или старшему по возрасту другу, часто в сочетании с последним иероглифом имени.

лицо — на той записи, что принес ему Чжао Чэньбо ненастной ночью полгода назад, на той проклятой записи.

Цзисин всегда звал его Ху-гэ: тот был старше на пять лет, но и в ином случае он не смог бы обращаться к нему по-другому. Да, по факту Вэй Тяньху не был бессмертным заклинателем — слишком далеко ушел от своего клана и от пути меча, — но все же проглядывало в его глазах и всем облике что-то такое, что заставляло вспоминать легенды о парящих в облаках заклинателях и божествах.

Они познакомились несколько лет назад на выставке традиционных инструментов, устроенной кланом У Миньюэ. Цзисин тогда только окончил обучение и ездил по стране, набираясь опыта и присматриваясь к потенциальным заказчикам. Та выставка проходила в Башне Ветров, древней клановой резиденции, где когда-то заклинатели со всей Жэньго собирались на Советы, а на верхнем этаже стояли приборы для наблюдения за небесными светилами. Цзисин задержался у стенда с эрху и его многочисленными разновидностями и так ушел в себя, что вздрогнул, услышав:

— Многие музыкальные теоретики называют эрху варварской скрипкой.

— Строго говоря, эрху не скрипка, а варварство — понятие субъективное, — машинально отозвался Цзисин и лишь потом повернулся к говорившему.

За окнами просторного зала на первом этаже башни горел над полосой приборя алый закат, а этот человек вошел и будто принес с собой совсем иную зарю, из тех, что рождаются над золотой степью северо-запада, — а с этой зарей и крики соколов вместо взвизгов чаек, и острые звезды сухого степного неба, горящие в темных глазах так несхоже с ласковым светом звезд южного побережья.

— Вы заклинатель! — вырвалось у Цзисина, и он тут же топливо добавил: — Прошу прощения, это вышло грубо.

— Ничуть, — белозубо улыбнулся незнакомец, — я даже рад, что вы с первого взгляда угадали. Вэй Тяньху. — И протянул

руку возмутительно-бесцеремонно, на манер западных государств.

Вэй Тяньху получил свою фамилию поистине неизвестными путями: клана Вэй Далян, потомков Желтого Журавля, одного из семи изначальных кланов, не существовало уже более пяти-сот лет. После правления легендарных братьев-близнецов Вэй Юншэна и Вэй Юнмэя — один из которых то ли погиб после вторжения «огненной птицы», то ли был непоправимо искалечен, а второй, по слухам, ушел в отшельники, не оставив потомства, — клан какое-то время еще участвовал в общественной и политической жизни династий Чэнь и Цинь, но потом на землях Далян случилась страшная многолетняя засуха, и уцелевшие заклинатели переселились в соседние земли Ляо. На закате династии Цинь один из младших сыновей тогдашнего императора, дальнего родственника близнецов Вэй, благодаря проявившимся клановым чертам смог возглавить то, что осталось от Вэй Далян, и продлить жизнь клана еще на сто лет. Затем Вэй Далян окончательно развалился и рассеялся по другим землям: часть осталась в Чжао Ляо, часть перешла в новосозданный клан Цинь Фэйсюй — отсюда и был родом Вэй Тяньху, пусть и жил большую часть времени в Ляо.

По натуре бунтарь, в старых богов он не верил и пути меча следовать не собирався, но обладал музыкальным талантом и собрал собственную группу из товарищей по клану. Исполняли они разное: народные песни в современной обработке, каверы на зарубежные композиции, положили на музыку многие поэтические шедевры разных эпох; само собой, писали и свое. Казалось, для Вэй Тяньху не существовало никаких границ и рамок, ни жанровых, ни стилевых. Он одевался то в армейские штаны и высокие ботинки, то в бархатные пиджаки и атласные рубашки, то в кожаные куртки и брюки с широкими ремнями; волосы то отпускал, то укладывал причудливыми вихрами, не стеснялся носить ни серьги, ни ожерелья и цепочки, ни браслеты и кольца. Цзисин, с детства предпочитавший красоте удобство в том, что касалось одежды,

а с началом работы и вовсе окончательно перелезший в безразмерные толстовки и спортивные штаны, каждый раз ощущал себя рядом с ним пугалом.

Сдружились они накрепко и сразу: Тяньху учил Цзисина играть на гуцине и много рассказывал о мире заклинателей, Цзисин же знакомил нового друга с виртуальным миром юйван — раньше тот сидел только в шэньло, «божественной сети» для внутреннего заклинательского пользования, и поначалу плохо ориентировался в пространстве обычных людей. Впрочем, проблемы у него были не только с юйван: порой Цзисину казалось, что при всех прочих своих дарованиях Тяньху не смог бы самостоятельно и шнурки завязать.

Во времена консерватории от казусов — разогретой в микроволновке ложки с продолжением в виде пожара или отключенного за неуплату электричества — его спасал старый друг, загадочно именуемый А-Линем. И построивший, видимо, неплохую карьеру, раз его фамилия никогда не мелькала в их разговорах даже после бутылки рисового вина — а ведь Цзисин не раз пытался разговорить Тяньху. Теперь же почетная обязанность заботы об этом великовозрастном ребенке перешла к Цзисину: и он не мог понять, каким чудом или благословением богов Тяньху дожил до своих лет, ни разу не влипнув в серьезные неприятности.

Боги, впрочем, были склонны отворачиваться от своих детей в самый неожиданный момент. Смерть Тяньху оказалась такой же пронзительной, внезапной и странной, какими были музыка и жизнь.

— Простите, господин цинь, — выдавил Цзисин, вставая. Руки задрожали — в который раз; он побоялся, что столкнет инструмент с подставки неосторожным движением. Опасно было работать в таком состоянии: не испортит покрытие, так навредит себе — как в один из тех разов, когда просто забыл надеть перчатки и плеснул смывку на голую кожу. Ему нужно было успокоиться. Выдохнуть.

Прежде с этим помогала чужая музыка. Теперь — своя.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Цзисин на нетвердых ногах добрался до углового столика: там, в золотистом чехле, отдыхал его собственный гуцинь, подарок Тяньху. Сдернул ткань, сел, взял первую ноту, задрезавшую от нервных пальцев. С силой втянул в себя воздух, через силу же выпустил. Взял вторую. Звук проплыл по комнате — густой и сочный, — медленно истаял в холодном сумраке за окном и теплом свете ламп внутри. Восприятие обострилось, сузилось до крохотной точки: только мелодия, только колебания воздуха, только струны под пальцами правой руки. Левая лежала безвольно. А в голове все лезли, лезли воспоминания.

Первое — точно вспышка.

— *Ты же помнишь, Син-ди**, что искусство игры на гуцине всегда стояло первым в списке необходимых благородному мужу уменний**, — темные глаза Тяньху смеются. — *Не самый очевидный выбор в наше время, но я рад твоему интересу. Как назовешь свой инструмент?*

— *Что ж, мне далеко до героев древности и прославленных музжей, и от меня едва ли ждут великих свершений, — улыбается Цзисин, поглаживая лакированный корпус, выточенный из древесины паотун***. — Пусть будет Мию.*

— *«Близкий друг»? Хорошее имя. Верного друга трудно найти, да еще и такого, чтобы понимал музыку твоего сердца.*

— *Ну тебя же я как-то нашел, Ху-гэ.*

Левая рука коснулась струн, приглушая вибрацию. Он отвлекся бы на что-то иное, не на музыку — только вот на что?

* Ди — близкое, неформальное обращение старшего брата к младшему или младшему по возрасту другу, часто в сочетании с последним иероглифом имени.

** В Древнем Китае считалось, что благородный муж должен уметь четыре вещи: владеть искусством игры на гуцине, играть в сянци (шахматы), владеть искусством каллиграфии и живописи.

*** Паотун, или павловния, — ценное садово-парковое дерево с легкой и мягкой древесиной. С древних времен в Китае это один из основных материалов для изготовления музыкальных инструментов.

Последние годы в жизни Цзисина были только работа, работа, работа — и единственный друг. Цзисин всегда думал, что ему не нужно общение, не нужны привязанности; вот, видно, судьба и преподнесла урок. В голове вертелось неоформленное: раскатистый смех — память об этом смехе, фантомное похлопывание по плечу, улыбка, гордая и широкая, острая и белозубая.

Был человек — и человека нет.

Снова вспышка.

— *Как... как это случилось?* — Цзисину кажется, что он кричит во весь голос, но на самом деле — шепчет, едва размыкая губы.

Чжао Чэньбо сидит боком на перилах балкона, прямо под хлещущими струями дождя, до судорог в мокрых пальцах сжимаемая меч, и слезы на его лице тут же смывает ливнем.

— *Я не знаю!* — почти рыдает он, и голос срывается на взвизг. — *Я не успел! Когда я догнал их, все было кончено! Под завалом спастись уже было некогда!*

— *Но кто?! Кто мог... почему ты был не с ними?! Ты должен был их охранять! Ты должен был!..*

Онемение перекрывает и ярость, и боль. В ушах шумит.

— *Они возвращались с концерта обычным путем. Никто не сунулся бы в бывший Далян по своей воле! Я не!.. Там же бури... Там... Наверное, они пытались оторваться, была погоня, их схватили, я не... Я собирался догнать их позже! Они не были одни, ты знаешь?! — снова взвизг, kloкочущие в горле хрипы. Так ветки царапают по стеклу, так скрипит старый дощатый пол, так... О чем он думает, боги, о чем... — Я сразу не понял, что они свернули с дороги! Я даже подумать не!... Я не мог, я!..*

Чжао Чэньбо лезет в поясную сумку, руки трясутся, меч опасно гудит, почти выскальзывает на пол. Наконец выдергивает гарнитуру — из тех, понавороченней, с моноклем для съемки. Монокль погнут, стекло треснуло; сбоку мигает зеленым пластинка — юйцзянь. Точно, юйцзянь, сдались заклинателям обычные флешки...

— *Забери и спрячь. Никто не должен увидеть запись, ты слышишь? Никто! Я... я посмотрел, и я не должен был, и тебе*

отдавать не должен, и... — Чжао Чэньбо ругается, вытирает лицо рукавом — бесполезно. — Я хотел бы забыть то, что увидел, но уже не смогу. Отдавать ее тебе — очень плохая идея, знаю, я должен был просто уничтожить ее, но...

*Цзисин сам не замечает, как рывком подается вперед, прямо под дождь, как выхватывает гарнитуру у отшатнувшегося закли-
нателя, — приходит в себя, только почувствовав, как впиает-
ся в мякоть ладони мокрый, холодный пластик.*

*Чжао Чэньбо смотрит на него еще одно долгое мгновение: льет-
ся по лицам вода, липнут к коже волосы и одежда. Затем улыба-
ется дергано, словно и сам уже мертвец:*

*— Но вы бы меня не простили. Оба. Прощай. — И прыгает
в грозовую тьму, лишь слышится свист лезвия меча, рассекающе-
го воздух.*

Конечно, Цзисин посмотрел эту запись — столько раз, что сбился со счета. У его ноутбука не было разъема под юйцзянь, но приятель Чжао Чэньбо помог в свое время найти переходник.

Вероятно, смотреть не стоило. Вероятно, Цзисин обеспечил себя кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Вероятно, он бы не заикнулся так, не зная, что случилось с Тяньху на самом деле. Вероятно...

Звуки сбегали со струн горной лавиной. Каждый — как камень, грозящий проломить голову, как камни, сыпавшиеся с потолка той пещеры.

Только сейчас Цзисин до конца осознал, что играет. Что играет снова.

*Видео запускается с чуть слышным щелчком. Он видит пеще-
ру: мрачные низкие своды, в дальнем углу сбились в кучу музыкан-
ты, в центре стоит Вэй Тяньху, и гуцинь парит перед ним, как
в старинных легендах, и пальцы летают по струнам, извлекая
странные, страшные звуки, полные отчаяния, скорби, тоски —
и гнева. Вокруг него вихрится почти видимая энергия, не давая
подойти, не давая остановить смертельную песню, — лишь на пе-
риферии изображения мечутся темные фигуры. Одна мелькает*

перед самым экраном: на мгновение можно различить лицо. Снимает, очевидно, один из похитителей. Он даже не вздрагивает, картинка остается удивительно четкой, словно это лишь глупый фильм, словно все это нереально, словно этого не происходит... Не произошло. Запись длится недолго: всего пару фэнь. Под конец стены и пол пещеры начинают ощутимо трястись, кто-то что-то выкрикивает, фигуру Тяньху перечеркивают падающие камни, что-то вспыхивает в вышине, камера дергается, и мелодия обрывается вместе с видео на незаконченной, яростно звенящей ноте. Что-то шумит и скрежещет в темноте.*

Чэньбо велел никому ничего не говорить, и Цзисин не говорил — пусть и хотел сначала в каком-то порыве безумия разыскать загадочного А-Линя. Не говорил даже с Чэньбо: на все вопросы тот отмалчивался, и в конце концов Цзисин перестал их задавать. Заклинатель знал что-то такое, из-за чего видео не должно было всплыть.

Это не помогало Цзисину добраться до правды, но не могло и остановить.

Без доступа к заклинательским источникам информации, без права узнавать о ходе расследования ему оставалось немного: только видео — и мелодия.

Последняя мелодия Тяньху.

Цзисин в достаточной мере освоил мастерство игры на гуцине, чтобы попытаться разобрать запись самостоятельно, и столкнулся со строем, граничащим с сумасшествием: казалось, неизвестный автор, если не сам Тяньху, собрал воедино все основные техники игры и перемешал их в ему одному понятном порядке. «Рассеянные звуки» сменялись «плывущими», потом «статичными»**, потом шли задом наперед, повторялись,

* Фэнь — минута.

** Здесь перечисляются основные виды извлечения звука для гуциня: 散音 (sàn yīn) — «рассеянные звуки», открытые струны; 泛音 (fàn yīn) — «плывущие звуки», гармоника; 按音 (àn yīn) — «статичные звуки», фундаментальный тон.

обрывались... Цзисин потратил почти два месяца, чтобы разобрать мелодию на слух и сыграть ее, и то не всегда мог поручиться за какой-то отдельный кусок. Оказалось, что если играть ее медленно, то мелодия очень красива, хоть и очень печальна. Она звала, рассказывала, жаловалась и снова звала — из-за грани, с другого края мира... Из Небесных садов, быть может, или из самого Диюя*. Цзисин сыграл ее столько раз, что выучил наизусть, а потом забросил, не в силах вновь и вновь переживать этот мрак, и камни, и крики, и ярость, и смерть.

Мелодия выматывала все больше, но словно держала его на крючке, не давала забыть. Он просыпался среди ночи с мыслью, что должен сыграть. Он не мог работать — особенно в первый месяц, когда только плакал, играл и снова плакал, падая от усталости.

Недавно Цзисину показалось, что его наконец отпустило — но, видимо, зря.

Он играл теперь словно впервые: слезы капали на струны и звуки рвали тишину вместе с сердцем. Мелодия дошла до места, где обрывалась на записи, — и Цзисин замер, прижав струны пальцами. Они слабо звенели, успокаиваясь, и Мию теплел под руками, почти толкаясь в ладони, словно не обычный гуцинь, а напитанный ци, и...

А потом в дверь постучали.

Вздвогнув, как застигнутый за чем-то предосудительным или смущающим, Цзисин торопливо стер со щек слезы, накрыл гуцинь чехлом и лишь потом кое-что сообразил. Стучать в дверь было просто некому: во-первых, гостей он сегодня не ждал, во-вторых, об их приходе узнал бы загодя — пусть не через гарнитуру, которую обычно снимал на время работы, но через домовое управление: на экран у входной двери выводилась вся необходимая информация. Мимо умной системы никто не прошел бы так просто. Цзисин не зря поселился именно

* Диюй — царство мертвых, преисподняя в китайской мифологии.

в этом районе: да, арендная плата выше, но и беспокойства от внешнего мира меньше, не то что в родительском доме, где не просто в дверь постучать могли — на балконе беседу завязывали.

Стук повторился — настойчивый, но деликатный, и Цзисин решил все же рискнуть и выяснить, кому он понадобился. Может, сестре? Он не помнил, чтобы давал Линлань ключи от вестибюля, но он в целом не отличался хорошей памятью: в последнее время. Цзисин открыл дверь и удивленно замер: такого он точно не ожидал.

На пороге стоял молодой человек, и один только его внешний вид сбивал с толку: старинные белоснежные одежды перехватывал в талии небесно-голубой пояс с подвесками из красного камня — кажется, нефрита, насколько Цзисин мог понять, минералогией он никогда не увлекался.

Да, он был знаком с некоторыми из заклинателей, но вряд ли стали бы одеваться так вне резиденций: чаошэны и ханьфу давно уступили место более практичным джинсам, курткам и пальто, и увидеть традиционную одежду можно было разве что на праздниках. Впрочем, заклинатели по-прежнему предпочитали клановые цвета, и белого среди них не было. Он смотрелся на удивление обычно, но вместе с тем как-то возвышенно, навевая мысли скорее о чистоте, чем о трауре.

Возвышенным казался и сам незнакомец.

Очень стройный, очень изящный и весь какой-то эфемерный, как образ на картине в стиле се-и: белые одежды, бледное лицо, черные волосы, угольные росчерки бровей. В период учебы Цзисин изучал старинную живопись и хорошо помнил работы в этом стиле: недосказанные, слегка размытые, зачастую монохромные — лишь тушь и вода на белизне бумаги. Редко-редко встречались цветные мазки других красок — как пояс и подвески незнакомца.

Решив хотя бы попытаться быть вежливым, — мало ли кого к нему принесло? — Цзисин слегка поклонился:

— Доброго вечера, господин. Чем могу помочь?

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Замерший в странной неподвижности гость моргнул и словно отмер. Улыбнулся едва-едва и что-то сказал. Вроде на языке Жэньго, но каком-то странном: то ли про имя, то ли про судьбу*.

— Прошу прощения, господин, я вас не понимаю. Вам нужна помощь? Вы потеряли гарнитуру? Проходите, пожалуйста, — Цзисин отступил в сторону, приглашая гостя в квартиру. Опасности тот вроде не представлял и в целом внушал иррациональную симпатию. Это казалось странным, особенно для равнодушного к людям Цзисина, но он решил пока не противиться внезапному чувству. В конце концов, может, ему действительно нужна помощь? Выглядел гость несколько дезориентированно.

Оказавшись внутри, тот осмотрелся с явным любопытством и сразу же направился в мастерскую. Цзисин поспешил за ним, на ходу цепляя к уху гарнитуру:

— Если вам негде переночевать, я могу поискать недорогой отель поблизости... Или вы по работе? Я могу принять заказ, но приступлю не раньше следующей недели...

Не обращая внимания на его слова, поздний гость скользнул по комнате, задерживаясь у старинных вещей — и смотрясь рядом с ними настолько естественно, будто и правда вышел из древних времен. Едва касаясь, он пробежался кончиками пальцев по чайному набору из Янсяня**. Этот набор из пурпурной глины с узором из огненных пионов Цзисину в свое время подарил Вэй Тяньху на Праздник весны. Они часто пили

* По-китайски «судьба» — 命 (mìng), «имя» — 名 (míng). В древних текстах иероглиф «судьба» часто замещает иероглиф «имя». В современном языке значение «именовать» (точнее, «величать») передается последовательностью «судьба + имя» — 命名 (mìngmíng). Цзисин, судя по всему, услышал этот глагол или иное старинное выражение, где «судьба» замещается «именем».

** Янсянь — область на севере Миньюэ, исторической территории клана У Миньюэ.

чай из этих небольших уютных пиал — Ху-гэ особенно любил Байхао Иньчжэнь*. «Мои предки были в родстве с императорами, Син-ди, так что мне вполне позволено наслаждаться этим изысканным вкусом, — шутил он. — Твой род тоже не из последних, потому не стесняйся, твоя природная ясность ума только окрепнет от этого чая». Воспоминание о друге вновь кольнуло сердце, но боль вдруг исчезла, словно смытая прохладной водой.

Цзисин резко обернулся — пожалуй, резче, чем стоило, — и незнакомец, словно почувствовав, что перешел черту, убрал руку с его плеча. Глаза его — светло-карие — на мгновение показались Цзисину сияюще-голубыми. Он вновь мимолетно, успокаивающе улыбнулся и плавным, текучим движением переместился к стеллажу с книгами. Бережно взял несколько, лежавших на самом верху, пролистал — и замер ненадолго, пристально вглядываясь в страницы. Цзисин напряженно следил за ним, вмиг задумавшись о том, почему вообще пустил к себе на ночь глядя незнакомого человека, почему тот без малейшего смущения касается и хозяина дома, и чужих вещей, и, главное, почему он сам все это позволяет. Волной накатила усталость; Цзисин несколько раз моргнул — показалось, что силуэт незнакомца подернулся рябью. Не стоило пренебрегать сном... И пускать никого не стоило.

Может, его зачаровали? Если пришелец был заклинателем, то определенно мог это сделать. Он пошарил глазами по комнате, ища, чем смог бы защититься хотя бы от физической атаки.

Гость наконец закрыл книги, убрал их на место, повернулся к нему и заговорил — медленно, но вполне правильно и понятно, не чета предыдущей попытке:

— Прошу простить меня за неучтивость, гостю не подобает оставлять хозяина в неведении столь долго. Доброго вечера, господин. Могу я узнать ваше имя?

* Байхао Иньчжэнь (досл. «Серебряные иглы с белым ворсом») — белый чай, который входит в Десятку знаменитых чаев Китая.

— Си Цзисин. А ваше?

— «Си» как «четверка»?

— Да, верно.

— Воистину Небо следует желанию человека, — пробормотал гость и уже громче продолжил: — Рад знакомству, господин Си. Скажите, сколько прошло времени?

— С какого момента? — Внутри росло напряжение. Гость казался все более странным, и Цзисин не знал, почему вообще пытается оставаться вежливым, а не звонит в полицию. — Если вы о том, когда пришли ко мне, то от силы несколько фэнь.

— Нет, я о другом. Погодите... давайте так: как давно случилось Сoшествие гор?

— Более полутора тысяч лет назад, — Цзисин ощутил, что начинает сходить с ума. О том, как давно было Сoшествие гор, знали даже дети. Да и как вообще можно было о нем не знать? Никогда в жизни не видеть календарь?

Однако незнакомец не выглядел ни безумным, ни глупым.

— Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел*, — туманно отозвался гость и улыбнулся как-то болезненно. — Вижу, что мир изменился, как изменилось и время, но не думал, что... Впрочем, неважно. Непростительная оплошность с моей стороны спросить ваше имя, а самому не представиться. — Сложив руки в традиционном приветствии, он грациозно поклонился. — Меня звали... зовут Си Ючжэнь.

— «Си» как «четверка»? — глупо уточнил Цзисин.

— Верно.

— А вы... какой именно Си Ючжэнь?

«Боги, что я несу?» В голове мелькнула бредовая мысль: о Белом монахе, о легендарных предках, о временах Сoшествия гор, но... Смешно, просто смешно. Мало ли на свете людей

* Цитата из сборника «Избранные чаньские изречения» (2002). Перевод В. В. Малявина.

со схожими именами? И трудно ли найти информацию о том Си Ючжэне, если очень захотеть?

Но зачем ему это нужно? Чего он хочет?

Цзисин уже хотел улыбнуться, но нервный смех застрял в его горле, когда гость уронил — позабавленно и почти изумленно:

— Тот Си Ючжэнь, полагаю, который сын своих родителей и брат своих братьев Шоуцзю, Сяньцзая и Иши.

— Вы, верно, шутите?

— Почему ты думаешь так, Си-сунь?* Как видно, путь мой лежал за краем голубых небес, среди неостановимого полета белых облаков**, и сон мой был странен и долог, но теперь я здесь. Скажи, Си-сунь, зачем ты позвал меня?

— Позвал вас?.. — Голова вдруг закружилась.

Си Ючжэнь кивнул, указывая на гуцинь:

— Да, позвал. Ты сыграл мне. Зачем?

* Сунь — внук, правнук, потомок по мужской линии.

** Перефразированная цитата из «Избранных чаньских изречений» (2002): «Мой путь лежит за краем голубых небес — там, где белые облака плывут неостановимо». Перевод В. В. Малявина.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

